

Продолжение путешествия

Автор:

[Александр Арсаньев](#)

Продолжение путешествия

Александр Арсаньев

Бабушкин сундук #2

Перед вами оригинальные детективы, в которых криминальные истории, дела, события XIX века искусно переплетаются с современностью, связывая прошлое и настоящее.

Александр Арсеньев

Продолжение путешествия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кажется, совсем недавно переехал я в Саратов, забрался на чердак старого прогнившего чердака и обнаружил свое сокровище – полный сундук рукописей моей далекой и по времени, и по степени родства, но ставшей чрезвычайно близкой благодаря своим душевным и человеческим качествам женщине – Екатерине Алексеевне Арсаньевой, жившей в Саратове более ста пятидесяти лет тому назад, и приходящейся мне пра-пра-пра... тетушкой по отцовской линии.

С тех пор моя жизнь переменилась самым кардинальным образом. Большую часть дня я провожу в своей «башне из слоновой кости», проще говоря, за рабочим столом. И если бы не купленный по случаю за полцены издавший виды

компьютер, то давно бы отчаялся разобраться в этом море рукописей, писем и дневников.

Если бы я с самого начала знал, во что превратится моя жизнь, то скорее всего и близко бы не подошел к этому сундуку...

Хотя я, конечно же, лукавлю. Да, действительно. Работаю я сутками, и порой от переутомления в глазах начинают плясать зелено-сиреневые чертики. Но то удовлетворение, что я получаю в результате этих титанических усилий, сторицей окупает и головные боли, и приступы радикулита.

И, пожалуй, никогда в жизни я не просыпался по утрам с единственным желанием: как можно быстрее вернуться к той работе, от которой с трудом оторвался несколько часов назад.

И если вы читаете эти строки, значит мой труд не пропал даром, и на книжных прилавках появился второй томик творческого наследия моей незаслуженно забытой родственницы.

И я не успокоюсь до тех пор, пока все ею написанное не увидит свет, а на сегодняшний день я не использовал и сотой доли содержимого ее сундука. Так что работы мне с лихвой хватит до конца жизни.

Тем, кто уже знаком с моей «тетушкой» по первому ее роману, небезынтересно будет узнать, что рассказанная в нем история имеет продолжение. И в послесловии к нему я, разумеется, лукавил, когда писал о несовершенстве его финала. Жизнь в отличие от литературных произведений, не всегда готовит нам эффектные развязки, предпочитая им далеко не простые, запутанные ходы. А тетушка моя живописала свою жизнь без прикрас. Или почти без таковых. Поэтому каждая ее новая книга является не только самостоятельным произведением, но и продолжением предыдущего. То есть по сути является своеобразным дневником, мемуарами человека, сама жизнь которого зачастую по насыщенности драматическими событиями превосходила самые изощренные вымыслы.

Не буду вас утомлять долгим предисловием. Потому что автор и без меня позаботилась о том, чтобы ввести читателя в курс дела. Поэтому смело можете приступать к чтению нового тетушкиного романа. А если вас заинтересует

предыстория описанных в нем событий, то у вас всегда есть возможность приобрести первый том ее собрания сочинений, который вышел под названием «Тайны бабушкиного сундука». А пока вы читаете этот том, я надеюсь подготовить к печати третий, а даст Бог – и все последующие тома ее наследия.

На том ненадолго прощаюсь с вами и уступаю место автору и главному действующему лицу описываемых событий – Екатерине Алексеевне Арсаньевой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так вышло, что весна 1857 года определила всю мою дальнейшую жизнь, наполнив ее иным, нежели у большинства моих современниц содержанием и придав ей то самое своеобразие, благодаря которому я осмеливаюсь изложить на бумаге, а когда-нибудь и предоставить на суд читателя некоторые из приключившихся со мною историй.

Для того, чтобы познакомить вас с предыдущими событиями и освежить их в собственной памяти, без лишних слов перейду к их изложению.

Итак, оставшись в неполные двадцать семь лет вдовой, я предприняла попытку разобраться в истинных причинах гибели моего горячо любимого мужа, главного следователя полицейского управления Саратовской губернии, для чего отправилась в свое первое путешествие.

По официальной версии он скончался в результате горячки на одном из захолустных постоялых дворов. Но я никак не могла поверить и примириться с подобной трактовкой его смерти, поскольку многие известные мне факты ей противоречили.

Следуя его последним маршрутом, я побывала и на том самом постоялом дворе и в других местах, события в которых привлекли внимание моего мужа за несколько дней до гибели и в конечном итоге стали истинной причиной его смерти.

Мне не только удалось узнать имя его убийцы, но и встретиться лицом к лицу с его внучкой – виновницей смерти Павла Семеновича Синицына – одного из лучших друзей моего мужа.

Я не только встретила с этим чудовищем в юбке, но и вытянула из нее признание в содеянном. Благодаря чему она в тот же день была арестована, и через некоторое время должна была предстать перед судом.

Я же с чувством выполненного долга вернулась к себе в Саратов, собираясь зажить нормальной для человека моего круга жизнью. Но в это время...

– К вам полиция, – испуганно доложила мне горничная однажды утром несколько дней спустя после моего возвращения.

Было немного рано для приемов, и я удивилась, когда в гостиной увидела неловко переминающегося с ноги на ногу Юрия Матвеевича – главного полицмейстера Хвалынска, который лично арестовал Наталью Павловну Синицыну, или Люси, как она сама предпочитала себя называть.

Мы расстались всего несколько дней назад, и я совершенно не рассчитывала встретиться с ним так скоро. Человек он был симпатичный, но мы не были настолько близки, чтобы утомлять друг друга еженедельными визитами.

– Бога ради простите за столь раннее появление, – смущенно проговорил Юрий Матвеевич.

Весьма представительный господин, он выглядел сегодня растерянным и помятым. Красные глаза и опухшие веки свидетельствовали о паре проведенных без сна ночей. А запыленный костюм – что он проделал большой путь, прежде чем оказался в моей гостиной.

– Что с вами? – не смогла я скрыть изумления, и этим привела Юрия Матвеевича в еще большее смущение.

– Я бы не осмелился потревожить вас в столь ранний час, Екатерина Алексеевна, если бы не тревога за вас... – запинаясь промямлил он.

– Бог с вами, Юрий Матвеевич, – улыбнулась я, – что со мной может случиться?

– Не знаю, – с самым серьезным видом ответил он. – Но, видите ли, дело в том, что известная вам Наталья Синицына не далее как позавчера исчезла из вверенного мне заведения.

– Она сбежала? – вскрикнула я, и всю мою насмешливость как рукой сняло.

– Так точно-с, – еще больше помрачнел Юрий Матвеевич. – И я почел своим долгом предупредить вас о... – он замялся, подыскивая слово.

– Вы думаете, она попытается мне отомстить? – пришла я ему на помощь.

– Не исключено-с.

– Но как это могло произойти? Ее что – не охраняли?

– Никак нет, – в минуты крайнего волнения Юрий Матвеевич переходил на этот солдатский жаргон, хотя в обычном состоянии был милейшим собеседником. – То есть охраняли, но... Я сам не могу понять, как это вышло, – развел он руками и обессилено опустился в одно из кресел.

Только теперь я догадалась предложить ему перекусить с дороги, и распорядилась принести нам завтрак.

– И если позволите, я бы желал умыться, – попросил мой неожиданный гость и с сомнением посмотрел на свои руки.

– Разумеется.

Пока он занимался туалетом, я переваривала эту более, чем неожиданную информацию. И пыталась понять, чем мне это может грозить.

Не могу сказать, что меня сильно испугала возможность появления в моем доме Люси, но что ни говори – а на ее совести уже был один покойник, при том, что сама она считала убитого своим отцом, так что от этой особы можно было ожидать чего угодно.

«Но как она могла убежать? – недоумевала я, вспоминая надежные запоры и толстые решетки на окнах в месте ее недавнего заточения, – насколько мне известно, это еще не удавалось сделать ни одному преступнику за все время существования хвалынской тюрьмы».

С этим вопросом я и обратилась к Юрию Матвеевичу, как только он вернулся в гостиную и расположился за столом.

– Ну, тюрьма – это, пожалуй, громко сказано, – скривился он, намазывая маслом большой ломоть белого хлеба, – скорее гауптвахта, но в чем вы абсолютно правы – случаев побега у нас до сих пор не зарегистрировано.

Произнеся эту суконную фразу, он несколько минут утолял голод с таким аппетитом, словно не ел по крайней мере неделю.

У меня хватило такта дожидаться, когда он, наконец, откинется от стола и поднимет на меня полный тоски взгляд.

– Ну, а теперь, расскажите мне все подробно, – предложила я ему, как только это произошло, и приготовилась к подробному и обстоятельному рассказу. Но ответ Юрия Матвеевича потряс меня своей лаконичностью:

– Не знаю, что вам и рассказать. Сбежала-с. Вот и весь сказ.

Поймите меня правильно, я всегда относилась к Юрия Матвеевичу со всем уважением, но в это утро он производил впечатление человека не просто недалекого, но полного кретина. Некоторых людей сильные потрясения лишают большей части дарованного им Господом разума, и, боюсь, Юрий Матвеевич, принадлежал к их числу.

После невероятных усилий с моей стороны и битого часа наводящих вопросов мне удалось из него выжать только то, что девица Синицына, находившаяся во «вверенном ему заведении», состояла там под самым строгим надзором, но не далее, как два дня назад исчезла из «оного заведения» без каких бы то ни было следов. Проще говоря, рано утром надзиратель, в обязанности которого входило передавать ей пищу, не обнаружил в камере никого и с воплем ужаса помчался на квартиру Юрия Матвеевича, переполошив половину города. Благодаря чему

известие в тот же день стало достоянием общественности маленького Хвалынска, и эта самая общественность обсуждала его теперь на каждом углу.

После срочно проведенного расследования Юрий Матвеевич вынужден был констатировать, что пропала не только Люси, но и один из его подручных по имени Кузьма, младший полицейский чин, возглавлявший в ту ночь охрану помещения.

Учитывая важность происшествия, Юрий Матвеевич самолично приехал в Саратов, чтобы доложить о нем своему губернскому начальству. И при одной мысли об этом его лицо теряло последние признаки разума.

Так и не объяснив мне ничего толком, он с тяжелым вздохом покинул мою гостиную и отправился в главное полицейское управление, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я уже сказала, что известие не сильно меня испугало, но и особой радости оно мне не принесло. Мало того, что человек, которого я считала достойным самого тяжкого наказания, оказался на свободе. Ко всему прочему у этой женщины был повод ненавидеть меня всей душой и винить во всех своих бедах.

Ее деда я считала убийцей моего мужа, а саму ее заставила признаться в убийстве собственного отца. Вне всякого сомнения, не займись я этим делом, Люси давно бы покинула пределы губернии, и ни одна живая душа не узнала бы этой страшной тайны. А зная ее изломанную психику и предрасположенность к драматическим эффектным жестам, я вполне могла ожидать ее в собственной спальне с каким-нибудь экзотическим кинжалом в руках.

Вспоминая сейчас первую и последнюю нашу встречу и то впечатление, которое на меня произвела эта женщина, я начала испытывать то неприятное чувство, от которого просыпаешься среди ночи, понимая, что на тебя кто-то смотрит.

Я почувствовала этот взгляд наяву. Не знаю, по каким каналам распространяется ненависть от человека к человеку, но в эту минуту ее холодное дыхание я ощутила на собственном затылке.

Мороз пробежал у меня по коже, несмотря на то, что весна не только совершенно вступила в свои права, но и готовилась уступить место лету. Собаки

на пыльных улицах Саратова уже слонялись с открытыми пастьями, тяжело дыша и роняя капли слюны с длинных черно-красных языков. На улице не было ни ветерка и огромная зеленая муха билась в оконное стекло, предвещая месяцы сонной полупьяной одури, в которую погружался наш наполовину азиатский город каждое лето.

Признаюсь, что в эту минуту мне захотелось оказаться где-нибудь за тридевять земель от родных мест, лучше за границей. В более подходящих для человека климатических условиях, не говоря уже о грозящей мне здесь опасности.

Может быть, я бы так и сделала. Найдя убийцу своего мужа, я тем самым выполнила перед ним свой последний долг. Тем более, что мое финансовое положение вполне позволяло провести лето в Европе. Но я прекрасно понимала, что в подобных обстоятельствах не получила бы от этого путешествия никакого удовольствия, потому что день и ночь изводила бы себя мыслями о том, каким образом Люси удалось избежать наказания и покинуть место своего заточения. Эти сведения я могла получить только здесь. Кроме того, мой отъезд означал бы, что я испугалась этой несостоявшейся актриски, а моя гордость не позволяла мне дать кому бы то ни было и, прежде всего, самой себе, повод усомниться в собственном бесстрашии.

Мой покойный супруг считал трусость самым непростительным человеческим грехом, справедливо полагая, что именно благодаря ей человечество совершает львиную долю всех подлостей и преступлений. И само это мерзкое, трепещущее на кончике языка слово в те времена вызывало у меня едва ли не физическое отвращение.

Можно сказать, что я всю жизнь боялась собственного страха. А временами это становилось чуть ли не навязчивой идеей. И стремление доказать себе собственное бесстрашие зачастую приводило меня в весьма неприятные ситуации. Но должно было пройти много лет, прежде чем я научилась отличать трусость от обыкновенного благоразумия...

Но весной 1857 года мне едва исполнилось 27 лет. О каком благоразумии можно говорить в этом возрасте?

Короче говоря, я решила остаться в Саратове. И не просто не покидать этих мест, но и приложить все усилия, чтобы отыскать следы беглянки.

Была у меня еще одна причина, из-за которой я не могла оставить это событие без внимания. Результаты расследования, которыми я еще несколько дней назад так гордилась, неожиданно перестали удовлетворять меня.

Теперь, после того, как я отдохнула и пришла в себя после пережитого, я поняла, что последние дни своего расследования находилась в весьма странном для меня болезненном состоянии. Можно даже сказать, что разум мой был затемнен. Частично виной тому была нога, которую я так неудачно вывихнула в самый разгар событий. Но не только.

Тогда я еще не умела остужать разгоряченную погоней голову, и тем самым приводить в порядок свой мозг и нервную систему.

Позже я определила бы это состояние, как патологическое. Но тогда мне казалось, что оно работает мне на пользу.

Нет, господа, я ошибалась. Сыщик обязан иметь на плечах совершенно холодную голову, как бы не трепыхалось у него сердце по поводу содеянного преступником деяния.

И снова моя тетушка опередила свой век. За несколько десятилетий до «железного Феликса» произнеся его самую знаменитую фразу почти слово в слово. Правда Дзержинский, насколько я помню, относил эти слова к работникам ЧК, но кто такой чекист, особенно в двадцатые годы? По сути – тот же сыщик. Это уже в тридцатые годы они сменили «ориентацию»...

Но тетушка моя ничего этого, слава Богу, не застала, поэтому извиняюсь за это излишне современное на этих страницах размышление.

Наверное, самое время сейчас подробнее рассказать о тех событиях, которые я упомянула вскользь на первых страницах. Причем, уже в том виде, в котором они представлялись мне неделю спустя после моего возвращения. Со всеми промахами и не всегда логичными выводами из тех фактов, что мне удалось раскопать. Потому что в тот день, когда я узнала о побеге Люси, я уже сильно сомневалась в доброй половине своих скоропалительных выводов, многие события уже рисовались мне в ином свете, и сама себе я уже не казалась такой умной и талантливой ищейкой. Короче говоря, дело, которое еще несколько дней назад я считала законченным, теперь вызывало у меня не намного меньше

вопросов, чем в самом начале пути.

К этому времени собранная мною информация не столько удовлетворила мою любознательность, сколько открыла передо мной горизонт непознанного. Так крестьянин, проживший большую часть жизни в своей деревне, в убожестве своем полагает, что мир достаточно прост и понятен, но однажды, поднявшись на ближайший косогор, открывает для себя такую огромность и необъятность внешнего мира, что переживает это событие как самое сильное потрясение в жизни.

Вот и для меня это первое в жизни расследование явилось той горкой, за которой передо мной открылись иные горизонты. Выросшая в тепличной атмосфере дворянского гнезда и закрытой школы, я до двадцати с лишним лет сохранила довольно превратное представление о реальности. Закоренелые преступники рисовались мне в весьма романтическом свете, под стать британскому Робину Гуду, а окружающие меня люди и подавно не вызывали сомнений в смысле порядочности и благонравия.

Я умудрилась сохранить подобную наивность, несмотря на то, что к этому времени несколько лет прожила бок о бок с человеком, который знал преступный мир не понаслышке, являясь главным следователем уголовной полиции в далеко не самой спокойной в России губернии. Но только теперь, столкнувшись лицом к лицу с человеческой злобой, патологическим сладострастием и равнодушием к чужой боли, я стала по крупицам осваивать пространство того мира, с которым по воле судьбы оказалась связанной на всю жизнь. И молила Господа только об одном – не потерять в этой обстановке веры в Человека, внушенной мне родителями и воспитателями в детстве, и потеря которой для меня была бы равносильна нравственной смерти. И к счастью мне это удалось.

Я пишу эти строки несколько десятилетий спустя после описываемых на этих страницах событий, и за долгую свою жизнь навиделась всякого. Бывали моменты, когда вера моя подвергалась суровому испытанию... но Господь исполнил мою молитву – с его помощью я по-прежнему верю в людей, хотя и знаю их далеко не с лучшей стороны.

Но, однако, вернемся к нашим баранам, то бишь тем событиям, что предшествовали моему возвращению в Саратов. Волею случая мне удалось восстановить ход событий, которые в конечном итоге привели к смерти моего

мужа и его близкого друга. Главным виновником трагедии, как я уже сказала, был родной дед Люси – жалкое шутовское подобие шекспировского Ричарда. Даже его прозвище происходило от имени этого знаменитого театрального злодея, хотя и вывернутое наизнанку, лишенное всякого величия и благородства. Личарда, так его звали, был некогда крепостным актером. Приобретенный или выигранный в карты своим новым хозяином, он стал проклятием и причиной гибели всей его семьи.

В силу врожденной ли порочности, или благодаря парадоксальному воздействию шекспировского гения, человек этот задумал невероятное. Он возмечтал не просто стать свободным человеком, но и, погубив своих хозяев, занять их законное место и завладеть всей их собственностью, то есть стать полноправным помещиком. Вот уж действительно, из грязи да в князи.

Вся эта история напоминала бы нелепый фарс, если бы последствия ее не были так ужасны.

Действуя с дьявольской хитростью, он уничтожал каждого, кто вставал на его пути. Его излюбленным орудием убийства стал яд, и в этом тоже обнаруживался так сказать «шекспировский след».

Личарда воплотил в себе все отрицательные черты не только короля Ричарда, но и целого ряда шекспировских злодеев. Так, например, он состоял в связи с собственной дочерью и только чудом не стал отцом собственной внучки. А настоящего отца девочки, насколько я понимаю, собирался использовать в качестве очередной жертвы. Так я считала еще недавно, хотя теперь у меня были по этому поводу большие сомнения.

Его дочь, по-видимому, была достойной ветвью большого генеалогического древа, но ее уже давно не было в живых, и я могла судить об этом только по слухам. Но все ее дурные наклонности нашли достойное отражение в третьем колене этого проклятого Богом рода. Я имею в виду внучку Личарды, которую бедный Павел Семенович Синицын имел несчастное заблуждение считать своей дочерью едва ли не до последнего дня своей жизни. Ту самую женщину, что убежала из хвалынского каземата, и чьей мести я могла ожидать теперь в любой момент.

С каждым днем я все отчетливее понимала, что сумела уловить лишь внешнюю сторону событий, пропустив в них что-то очень важное, если не самое главное. А временами мне даже казалось, что вся моя трактовка событий была ошибочной от начала и до конца.

Только то, что благодаря ей я сумела отыскать Люси и передать в руки правосудия убийцу Павла Семеновича, создавало видимость истинности моих умозаключений. Но никаких подтверждений этим выводам у меня на руках до сих пор не было.

У меня еще будет время и повод вернуться к этим размышлениям, а теперь я снова вернусь к тому богатому событиями утру, с которого начала эту главу.

Не успел выветриться из моей гостиной запах сапог Юрия Матвеевича, как я снова услышала мужской голос в прихожей.

Мужчины со дня смерти мужа практически не появлялись в моем доме, а тут второй нежданный визит за одно утро. По голосу прислуги я поняла, что у нее большие сомнения по поводу этого нового визитера. Ее поначалу вежливые уговоры постепенно достигли качества крика, и грозили перейти в визг. Чтобы этого не произошло, я решила прийти к ней на помощь.

– Кто там, Алена? – спросила я, отворяя дверь в прихожую. После залитой солнечным светом гостиной я не сразу разглядела своего гостя.

– Да вот, я им говорю, что вы не принимаете, – пожаловалась мне Алена, – а они и слушать не желают.

– Екатерина Алексеевна, умоляю, успокойте вашу амазонку, – услышала я знакомый баритон.

Это был Петр Анатольевич, мой старинный приятель, благодаря которому мне удалось отыскать в Хвалынске Люси, и на квартире которого она и была арестована полицией. Но, Боже мой, в каком он был виде!

Блестящий молодой человек, типичный представитель так называемой золотой молодежи Саратова, мечта всех матушек и тетушек девиц на выданье,

журналист и литератор – когда он вышел на свет, я не поверила своим глазам. Его лицо напоминало свежееотбитый бифштекс, левый глаз совершенно заплыл, а правый задорно улыбался.

– Помилуйте, Петр Анатольевич, на кого вы похожи? – ужаснулась я.

– Думаю, на римского легионера, – ухмыльнулся он, – или на гладиатора после визави со львом.

– Какие могут быть шутки, у вас кровь на лице.

– Большая ее часть уже на носовом платке, который я ни за что вам не покажу, так как не желаю, чтобы вы увидели вышитые на нем инициалы. Я бит, но представления о чести еще живы в этом травмированном свирепыми разбойниками организме.

Несмотря на весьма плачевный вид мой приятель не потерял присутствия духа. Я пригласила его в гостиную, и к возмущению Алены приказала принести ему коньяку.

– Весьма своевременная мысль, – одобрил он мое распоряжение.

Я ожидала услышать от него какую-нибудь совершенно невероятную и не слишком правдоподобную историю, но первые же его слова заставили меня отнестись к его визиту с чрезвычайной серьезностью.

– Люси, насколько я понимаю, оставила на свободе несколько хамоватых поклонников.

Меньше всего я ожидала услышать от него это имя, поэтому не смогла скрыть своего изумления.

– Что вы сказали? Люси? Почему вы вспомнили о ней?

– И не хотел бы, но пришлось, – довольный произведенным эффектом, во весь рот улыбнулся Петр. И тут же сморщился от боли. Улыбаться ему пока явно не стоило. – Если я не ошибаюсь, то именно ей я обязан этим украшением.

Его рука в некогда безукоризненной, а теперь со следами крови перчатке коснулась заплывшего глаза.

– Почему вы так решили?

– Джентльмены сами сообщили мне об этом, в весьма гнусных и не слишком парламентских выражениях.

– Бога ради, – взмолилась я. – Что с вами произошло? Прекратите шутить. Что за глупая привычка.

Петр внял моим словам и стал совершенно серьезным, насколько он умел таковым быть. То есть не перестал играть словами и постоянно острить, но во всяком случае проделывал это уже с достаточно серьезным видом. Тем более, что к тому времени Алена все-таки принесла ему коньяк, а к этому напитку он относился чрезвычайно серьезно.

Не прошло и нескольких минут, как я узнала суть дела. Петр возвращался под утро с очередной холостой пирушки, когда на него напало несколько дюжих молодцов. Сначала они колотили его молча, и Петр принял их за обычных грабителей. По возможности защищался и даже нанес парочку точных ударов в ответ. Но это настолько разозлило нападавших, что они начали орать истошными голосами. И некоторые из выкрикнутых ими в пылу потасовки фраз оказались весьма любопытными.

– Переводя с площадной брани на более или менее изящную словесность, – пояснил Петр Анатольевич, – они не одобрили моего участия в аресте нашей общей знакомой, и пообещали повторить свое неодобрение в доступной их пониманию форме, если я в тот же час не отправлюсь к вам и не сообщу о нашей с ними беседе. Проще говоря, – закончил Петр совершенно серьезным голосом, – это месть и угрозы. И не только мне, но, увы, и вам, Екатерина Алексеевна. Хотя я и не думаю, что это повод для серьезного беспокойства...

– А вы знаете, – перебила я его, – что вот уже несколько дней Люси на свободе?

На этот раз торжествовать могла уже я, поскольку выражение лица Петра, во всяком случае, его правой половины, так как левая в силу своего состояния не

могла выражать ничего, свидетельствовало о том, что мне удалось поразить его не в меньшей степени, чем ему меня некоторое время назад.

– То есть как это «на свободе»? – не поверив своим ушам, переспросил он. – Ее освободили?

– Она сама себя освободила. И, видимо, не собирается оставаться в тени... насколько я поняла по вашему виду, – не смогла удержаться я от улыбки, несмотря на то, что повод был не слишком подходящим для веселья.

Нам было, о чем поговорить в ближайшие полтора часа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В результате этой продолжительной беседы мы решили действовать заодно. А поскольку пришли к выводу, что в нынешних обстоятельствах нападение может стать для нас лучшей защитой, то действовать решили самым решительным образом. Мы не успели обсудить всех деталей нашего сотрудничества, поскольку Петр торопился на какое-то деловое свидание, но обговорили его в общих чертах.

У меня теперь не было повода сомневаться в том, что Люси не пожелала оставить наши края неотомщенной, и мне оставалось только благодарить Господа за то, что она не успела застать меня врасплох и начала с Петра Анатольевича.

«Предупрежденный вооружен» – кажется, так говорили на Востоке, и, как только Петр покинул мою гостиную, я решила подготовиться к любым неожиданностям, то есть постаралась оказаться во всеоружии на случай появления в моем доме Люси. Тем более, что она вполне могла заявиться ко мне с компанией негодяев, наподобие тех, что напали сегодняшней ночью на Петра. И можно было только гадать, к какому виду мести способна прибегнуть эта особа.

Немного погодя я усомнилась в том, что Люси решится напасть на меня в собственном доме, скорее, нападения можно было бы ожидать во время одной из моих ежедневных прогулок, но, на всякий случай, проверила в доме все запоры и привела в порядок коллекцию оружия покойного мужа, то есть почистила и смазала ружья и пистолеты; а чтобы предохранить себя от неожиданных гостей, строго-настрого приказала Алене не открывать дверей незнакомым людям. Хотя она и без того была достаточно осторожна. В Саратове она была недавно, и город казался ей после деревни обиталищем жуликов и бандитов, за одного из которых благодаря разбитой физиономии она и приняла давеча Петра Анатольевича. И если бы не моя помощь, ему бы ни за что не удалось проникнуть далее прихожей.

Короче говоря, мое жилище теперь вполне можно было считать неприступным бастионом. Покончив с этим делом, я немного успокоилась и уселась у окна с книгой в руках – дожидаться возвращения Петра Анатольевича. Он обещал вернуться после обеда, постаравшись разузнать все возможное о Люси. А при его связях ему была доступна любая конфиденциальная информация, чем Петр Анатольевич немало гордился. При его нынешней профессии репортера «Губернских ведомостей» это качество было далеко не лишним.

Книгу я взяла не потому, что это было самым большим на эту минуту желанием, а чтобы успокоить свое не на шутку разыгравшееся воображение. Я уже знала на собственном опыте, что преждевременные фантазии не могут принести делу ничего, кроме вреда.

Но по случаю, книга, оказавшаяся в тот день в моих руках, не только не смогла погасить пожар в моей голове, но напротив – подбросила туда дровишек. Чтобы вам стало понятно, о чем я говорю, сообщу, что это была за книга. И те из вас, кто знаком с ее содержанием, наверняка не смогут сдержать улыбки – это был «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма, принесенный мне накануне Шурочкой, моей начитанной подругой с непременным условием, что я приступлю к чтению в ту же минуту. Она с полчаса оглашала мой дом возгласами восторга и удивления по поводу этого «превосходнейшего произведения», после чего удалилась, чтобы оставить меня наедине с гениальным творением «этого очаровательного француза».

– Неужели ты изменила своему кумиру Тургеневу, променяв его на бульварного французского романиста? – с улыбкой спросила ее я. И по тому, как Шурочка вспыхнула в ответ на мое невинное замечание, поняла, что была недалеко от

ИСТИНЫ.

Шурочка была постоянно влюблена, но, к сожалению, объекты ее чувства чаще всего были для нее столь же недоступны, как и те литературные герои, в которых она влюблялась в нежном возрасте. Таким образом она в разные годы была очарована Афанасием Фетом, Федором Достоевским, Островским и Бодлером, некоторое время предметом ее страсти стали сразу два Аполлона – Григорьев и Майков, весь нынешний год это был Тургенев, теперь настал черед Дюма.

Представляла бы Шурочка тогда, что не пройдет и года, как ее лучшая подруга не только встретится с обожаемым ею французским беллетристом лицом к лицу, но и раскроет при его непосредственном участии одно из самых загадочных преступлений в своей жизни.

Прочитав эти строки, я вновь согрешил – усомнился даже не в достоверности этих строк, а в здравом рассудке моей престарелой родственницы. Сами посудите, разве мог я себе представить что-то подобное? И тем сильнее было мое раскаяние, когда я убедился, что все это – правда. Дюма действительно был в Саратове в 1858 году, чему посвящена целая глава в книге его воспоминаний. А о том, каким образом с ним познакомилась Катенька, вы сможете узнать, когда я подготовлю к печати очередной ее роман, посвященный этому событию. Лишь бы у меня хватило сил и здоровья довести дело до конца.

Но в те дни мне еще самой было об этом ничего не известно. Дюма я знала по «Трем мушкетерам», была от них не в восторге, скучая, пролистав «Двадцать лет спустя» и не надеялась найти на страницах нового его романа ничего, кроме того же бесконечно-монотонного описания дуэлей и треска мушкетов. Но с первых же страниц поняла, что явно недооценивала талант Дюма, а через час с головой погрузилась в захватывающий сюжет, и заснула только под утро, когда глаза начали слезиться и закрывались сами собой, с трудом оторвавшись от книги, потому что в этот самый момент Эдмон Дантес после четырнадцати лет заточения в чудовищном замке Иф, наконец, обрел долгожданную свободу.

Действительность иной раз настолько причудливо перекликается с литературным вымыслом, что ничем, кроме иронии высших сил, этого объяснить невозможно. Заснула я с мыслями о побеге Дантеса, а едва проснувшись – узнала о другом побеге, не менее загадочном, но далеко не таком романтическом, как у Дюма.

Первые же строчки, что я прочитала теперь, вновь перенесли, вернее сказать, вернули меня из Южной Франции в родную Саратовскую губернию, поскольку оказались совершенно созвучны местным событиям:

«Прошло ровно четырнадцать лет со дня заточения Эдмона Дантеса. Он переступил порог замка Иф девятнадцати лет от роду, а вышел оттуда тридцати трех.

Горестная улыбка мелькнула на его устах; он спрашивал себя, что случилось за это время с Мерседес, которая, вероятно, считала его умершим.

Потом пламя ненависти вспыхнуло в его глазах, – он вспомнил о трех негодях, которым был обязан долгим, мучительным заточением.

И он снова, как некогда в тюрьме, поклялся страшной клятвой – беспощадно отомстить Данглару, Фернану и Вильфору.

И теперь эта фраза была не пустой угрозой...»

Прочитав эти слова, я вздрогнула, хотя тут же постаралась смягчить свою реакцию скептической улыбкой. Если еще вечером я казалась себе Мерседес, безвременно потерявшей любимого, наши с ней истории были слишком похожи, и по этому поводу я даже пролила вчера несколько слезинок, то сегодня мне поневоле приходилось примерять на себя мантию Вильфора. Хотя до сих пор я, разумеется, не находила у нас с ним ничего общего.

«Вряд ли Люси читала эту книгу, – подумала в эту минуту я, – но, видимо, каждый заключенный в душе ненавидит тех людей, благодаря которым лишился свободы, и лелеет мечту об отмщении».

И это удивительное совпадение сделало для меня из без того увлекательное произведение в два раза интереснее. Поэтому не удивительно, что я не отрывалась от его страниц до самого прихода Петра Анатольевича.

На этот раз Алена беспрепятственно пропустила его в гостиную, несмотря на то, что выглядел Петр еще менее презентабельно, чем утром.

– Что за маскарад? – удивилась я, разглядывая его странное платье. Так мог экипироваться разве что мастерской или рабочий с маслостройки, но никак не блестящий молодой человек нашего круга. А в сочетании с изуродованным лицом он выглядел и вовсе забавным, не всякий трактирщик рискнул бы впустить подобную личность к себе в заведение.

– При нашей первой встрече, Катенька, – усаживаясь в кресло и грациозно перекинув ногу за ногу, ответил Петр, – вы изволили заметить, что благодаря ночному приключению я изменился до неузнаваемости. И я имел случай убедиться в справедливости этих слов – моя собственная кухарка, не узнав меня, чуть не окатила кипятком. И я подумал, что грех не воспользоваться такой уникальной возможностью в наших с вами общих интересах.

– Таким образом вы маскируетесь от мстителей? – не сумев скрыть презрения, уточнила я. Мужчина, который из страха способен вырядиться таким образом, вряд ли мог рассчитывать на мое уважение.

Но Петр лишь рассмеялся в ответ на мое замечание.

– Не совсем. Вернее – совсем по другой причине я на время позаимствовал этот гардероб у одного славного, но совершенно пропащего человека.

– В таком случае потрудитесь объяснить, почему вы явились ко мне в таком виде.

– Все очень просто, – переведя дыхание, сказал Петр, – самая обыкновенная конспирация, или мимикрия, если желаете.

В тех кругах, что я вращался последние два часа, мой костюм был как нельзя более уместен и даже выглядел щеголеватым. Единственное, о чем я жалею, – соорудил он комическую гримасу, – что мое перевоплощение закончится через три-четыре дня, и появиться где-либо неузнанным у меня не будет уже никакой возможности.

Я вздохнула с облегчением, мне совершенно не хотелось терять уважение к этому приятному молодому человеку.

– И в каком же месте вам удалось произвести в этом виде приятное впечатление? – уже с улыбкой поинтересовалась я.

– В одном из тех, которые вам вряд ли удастся посетить, Катенька. И жалеть об этом не стоит, хотя с точки зрения антропологии – это весьма любопытное местечко.

Петр явно наслаждался моей реакцией на его внешность и не торопился стать серьезным.

Но уже через несколько минут рассказал, что побывал в одном из тех мест, куда не всегда рискует заглянуть даже полиция.

В пригороде Саратове, у знаменитой Лысой горы расположился район трущоб, в которых издавна находят себе приют все те, кого у нас принято называть отбросами общества. Я там, разумеется, никогда не бывала, но по рассказам мужа составила себе довольно четкое о нем представление. Опустившиеся мелкие ремесленники, бурлаки, портовые грузчики составляли там лучшую часть публики, что же говорить об остальных – нищие, горькие пьяницы и их чудовищные подруги... Поголовное пьянство, разврат, азартные игры и поножовщина были здесь в порядке вещей.

Если человек попадал туда однажды, то у него практически не было шанса оттуда выбраться. Это был своеобразная сливная яма, куда попадало все то, что не сумело найти себе места в нормальной жизни. Александр уверял меня, что подобный район существует в силу необходимости в любом городе мира. С одной стороны, играя роль жупела и тем самым выполняя воспитательную функцию для определенной части городского населения, а с другой – очищая здоровую часть города от нежелательных элементов. Мы неоднократно спорили с ним на эту тему. Потому что несмотря на все его доводы, мне не хотелось мириться с подобным порядком вещей.

Туда-то и занесло сегодня днем Петра Анатольевича. И, как оказалось, безрезультатно.

Дело в том, что к Лысой горе стекались не только все нечистоты человеческого материала, но и вся городская информация криминального и околориминального характера. Иметь осведомителя в Худобке, как называли

свой район его аборигены, было заветной мечтой каждого полицейского.

И, насколько я поняла, Петр побывал там сегодня не в первый раз. Вполне возможно, что у него там были даже друзья.

Мой приятель обладал счастливым даром находить общий язык с любым представителем рода людского, в том числе с ворами и каторжниками.

В результате этого визита Петру удалось узнать имена своих обидчиков. Он перечислил мне несколько кличек, из которых мне запомнились Федька Крюк и Леша Маленький. Мы еще не знали, каким образом сумеем воспользоваться этими сведениями, но в любом случае это была дорожка, в самом конце которой находилась Люси собственной персоной, а это уже немало.

Более важной с моей точки зрения была другая новость:

Кузьма – тот самый полицейский чин, что исчез вместе с Люси два дня тому назад, нашелся. Точнее сказать, нашлось его тело. То есть самого Кузьмы уже не было в живых по крайней мере двадцать четыре часа.

Его труп, обезображенный до неузнаваемости, обнаружили местные крестьяне на дне глубокого оврага на окраине села.

И это могло означать лишь одно: Люси оставила за собой еще один кровавый след.

Примерно так поступает затравленная волчица. Она убивает все живое на своем пути безо всякой на то причины и потому значительно опаснее обычного зверя, который убивает лишь по необходимости.

– Вы полагаете, – спросила я своего приятеля, – несчастный помог ей бежать?

– В таком случае, – не сразу ответил он, – она весьма щедро отплатила ему за услугу. И, я бы сказал, оригинально.

И если она благодарит подобным образом, то как же выглядит ее месть?

– Как она выглядит, вы можете узнать, посмотревшись в зеркало, – с улыбкой ответила я на его риторический вопрос, пытаюсь свести на шутку его чересчур мрачную мысль. Но мне это не удалось.

– Я не думаю, что она на этом успокоится, – грустно произнес Петр. – Скорее всего, это было всего лишь предупреждение, или угроза, а сама месть – впереди. Именно поэтому я все-таки советую вам уехать в Европу.

– Кажется, Петр Анатольевич, дворянскую честь вы считаете исключительно мужской привилегией, – ответила я ему, тем самым дав понять, что даже обсуждать эту тему считаю нецелесообразным.

– Ну, как знаете, Екатерина Алексеевна, но хотя бы меры предосторожности я бы на вашем месте принял.

– Разумеется.

На этом наш разговор был завершен. О том же, каким образом я отреагировала на благоразумные рекомендации своего друга, можно судить по тому, что не успела Алена закрыть за ним двери, как я велела запрягать карету. И через четверть часа Степан уже подогнал лошадей к парадному подъезду моего дома.

И скорее всего, я поторопилась это сделать именно потому, что снова почувствовала неприятный холодок – ощущение само по себе неприятное, и способное перерасти в ледящий душу ужас, если позволить овладеть ему своим сознанием.

До этого момента я постоянно носила траур по своему мужу, а в этот вечер решила снять его и надела одно из самых красивых своих платьев, чтобы моя печаль по безвременно ушедшему Александру не была воспринята моими врагами, как стремление спрятаться или, как выразился Петр, «мимикрировать».

А в существовании самих этих врагов я уже не сомневалась. И в тот же день получила весьма убедительное подтверждение их незримого присутствия в моей жизни.

Собственно говоря, выехала из дому я безо всякой цели. Имея в виду совершить небольшую прогулку по городу, по его прихорошившимся молодой листвой улицам и бульварам. Но унылое неторопливое движение по знакомым до последнего булыжника улицам скоро наскучило мне, и я приказала Степану направить лошадей в направлении Лысой горы.

Нет, я не собиралась совершить какой-то отчаянный поступок, на это у меня хватило благоразумия. Просто с ее вершины открывался чудесный вид на город и его окрестности. И мне захотелось испытать вновь это удивительное чувство, когда наблюдаешь человеческую жизнь с высоты птичьего полета. Люди и животные кажутся оттуда маленькими и смешными. И весь город напоминает замечательную сказку о городке в табакерке.

Москвичи любят устраивать пикники на Воробьевых горах. В Саратове для этих целей есть несколько не менее живописных возвышенностей, поскольку весь город расположен как бы в чаше, края которой представляют собой древние, покрытые лесами холмы.

Самый замечательный вид открывается, с моей точки зрения, с Соколовой горы, именно оттуда по преданию любовался Саратовом Император Петр, и подарил городу все окрестности, что открылись оттуда его суровому взору. Но туда мы любили ездить с Александром, и я еще ни разу не бывала там без него. Да, честно говоря, посмотреть на те трущобы, о которых с таким увлечением рассказывал Петр Анатольевич, мне тоже хотелось. А выбранный мною маршрут проходил в непосредственной близости от этих мест.

Любое передвижение оказывает на мое настроение благотворное воздействие. Вот и теперь, не успели мы приблизиться к городской черте, как всю мою тревожность и уныние, как рукой сняло. И на моем лице заиграла улыбка.

Это не преувеличение, поскольку я считаю это выражение лица естественным для человека, если у него ничего не болит, или его жизнь не омрачена каким-либо прискорбным событием. С моей точки зрения, даже животные – если к ним приглядеться повнимательнее – чаще всего улыбаются. А у них, мне кажется, куда как меньше оснований для радости, чем у нас.

А когда до меня донесся запах цветущих шелковиц, покрывающих южные склоны Лысой горы, я пережила одно из тех чудных мгновений, когда ощущаешь

прикосновение к неведомому, но откуда-то знакомому миру. В детстве я называла это чувство поцелуем ангела и считала его самым лучшим предзнаменованием.

Сытые здоровые лошади легко одолели довольно крутой подъем, и через некоторое время мы оказались на вершине. Я попросила Степана остановиться и вышла из кареты, вдохнула изрядную порцию свежего прохладного ветерка, который не затихает здесь ни на минуту и, щурясь от яркого предвечернего солнца, окинула взглядом город.

Он буквально утопал в цвете фруктовых деревьев и напоминал картинку из детской книжки. Мне всегда казалось, что эти картинки рисуют исключительно счастливые люди, и так оно и должно быть, чтобы в памяти ребенка на всю жизнь сохранились воспоминания о чем-то чудесном и радостном, пережитом им в детстве. И чтобы, повзрослев, при встрече с чем-либо подобным уже в реальной жизни он не прошел бы мимо, а остановился на мгновение, задержал дыхание, и прошептал: «А все-таки жизнь прекрасна»!

Надо ли говорить, что, возвращаясь с этой чудесной прогулки, я находилась в самом прекрасном расположении духа и даже что-то тихонечко напевала вполголоса.

Поэтому, когда у самого дома ко мне подбежал неизвестно откуда взявшийся чумазый уличный мальчишка, я встретила его радостной удивленной улыбкой. И только когда он торопливо сунул мне в руки пакет, развернулся на пятках и умчался прочь, осознала всю странность произошедшего. Но, тем не менее, продолжала улыбаться, распечатывая таинственное послание.

Улыбка исчезла с моих губ, едва я прочитала первые строки:

«Милостивая государыня, не думаю, что осчастливлю вас известием о своем освобождении, но, тем не менее, тороплюсь вам о нем сообщить, если вопреки моим сведениям вам еще не успели донести об этом ваши приятели-держиморды».

Прервав чтение, я опустила взгляд в самый конец письма. Там стояла только одна буква «Л». Сомневаться не приходилось – ко мне писала Люси.

Присев к столу и переведя дыхание, я тщательно расправила лист бумаги и положила его перед собой. Все это было настолько неожиданно, что мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать реальность происходящего.

«Не могу сдержать смеха, когда представляю ваше лицо в эту минуту. Хотела надуть письмо духами, но в последний момент передумала. А то вы вообразили бы еще, что у вас появился новый ухажер. Кстати, как вам понравилась смазливая физиономия вашего приятеля? Не правда ли – шрамы ему к лицу? При случае передайте ему, что может не переодеваться трубочистом, чтобы спрятаться от моих верных рыцарей. Они его узнают и в этом шутовском платье.

Пишу не для того, чтобы позлить вас. Мне глубоко наплевать на ваши чувства. Есть более важная причина, по которой я решилась взяться за перо».

В этом месте почерк, до того более или менее аккуратный, становится торопливым и неразборчивым. И это вполне соответствовало содержанию написанных им строк. Теперь это была уже не издевательская ирония с претензией на изящество стиля, а неприкрытая злоба. Несколько клякс, сорвавшихся с плохоочиненного торопливого пера, показались мне каплями яда, сорвавшимися с ядовитого жала их автора:

«Итак, милочка, я объявляю тебе войну. Войну не на жизнь, а на смерть, поскольку не смогу спокойно жить на этом свете, пока не увижу тебя в более подходящем для тебя костюме. Я имею в виду саван.

И тебе не помогут ни твои толстомордые приятели, ни твои миллионы. Потому что Бог на моей стороне. А если даже это дьявол, то тем хуже для тебя.

Это не угроза и не пустые слова. Я ни о чем тебя не прошу и не ставлю никаких условий. Что бы ты теперь ни предприняла, уже не изменит ни моего к тебе отношения, ни моих намерений.

Я ненавижу тебя и весь твой род, будь он проклят. Хотя и от себя я не в восторге.

Если ты сумеешь защититься или даже победить – ну что же – значит, такова моя судьба. Но я предупреждаю, сделать это будет непросто. У меня благодаря

тебе нет ни средств, ни возможности появляться в городе открыто, но даже если ты носа не высунешь из своего дворца, я и там тебя достану.

Без уважения, Л.»

Дерзкое по форме и возмутительное по содержанию послание, написанное непривыкшей к перу рукой. Но строчки, окончательно выведшие меня из себя, были дальше. Будто бы вспомнив о самом главном, Люси приписала снова аккуратным почерком:

«P.S. А муж твой все-таки любил меня, а тебя лишь терпел, боясь потерять твоё состояние».

Словно мерзкое насекомое, нащупанное в темноте рукой, я отбросила эту бумажку прочь. А пару мгновений спустя, запалив с двух сторон горящую свечу, бросила в камин и с удовольствием наблюдала, как потемневшая бумага трещит и корчится в объятиях пламени, словно не желая быть уничтоженной.

Немного погодя я пожалела об этом, потому что поняла: именно на эту реакцию и рассчитывала эта мерзкая девка и специально дописала эту чушь, в правдоподобие которой не поверил бы ни один человек на свете.

Но сделанного не воротишь, тем более, что у меня не было желания показывать кому бы то ни было эту пакость.

– Нет, – прошептала я, и слова эти прозвучали, как клятва, – я не побегу в полицию за помощью, тем более, что эта девка наверняка предполагала такую возможность и каким-то образом успела себя обезопасить. Я приму ее вызов, и скорее дам себя уничтожить, чем пойду на попятную. И клянусь всем святым – она сильно пожалеет о своем дерзком поступке.

Гнев – не самое благородное чувство, но, признаюсь, в этот момент кровь ударила мне в голову. Знай я тогда местонахождение своей врагини – не задумываясь, ринулась бы в бой. Но я даже не могла себе представить, где, под какой колодой она нашла себе пристанище, и была вынуждена оставаться в бездействии, несмотря на то, что сердце готово было выскочить из грудной клетки и полететь на ее поиски.

Время было уже позднее и Алена, с подозрением поглядывая на то, как ее раскрасневшаяся хозяйка расхаживает из угла в угол со сжатыми кулаками и буквально мечет искры из глаз, стала накрывать на стол. Собрав остатки своего хладнокровия, я заставила себя поужинать, и с удивлением обнаружила, что записка Люси смогла испортить мне настроение, но уж никак не лишит аппетита.

А, закончив ужин и отправив Алену к себе, я пошла в бывший мужний кабинет и присела там к его рабочему столу.

До этого дня я старалась не заходить в эту комнату без особой нужды. Осознание смерти близкого человека – процесс длительный. Смерть – одно из тех сокровенных таинств, познать и принять которые не так-то просто. Целый год едва ли не каждую ночь мне снилось, как я встречаю Александра и убеждаюсь, что он не умер, а жив и здоров. Видимо, эта надежда на чудо подспудно жила все это время в моей душе, и именно она заставила меня сохранить его комнату в том виде, в котором она находилась за пару дней до гибели хозяина. Но, зайдя туда однажды, я уже не покидала ее в течение долгих лет. То есть кабинет Александра отныне стал моим кабинетом, и именно в нем я уединяюсь всякий раз, когда мне нужно сосредоточиться и подумать.

С годами это стало даже не привычкой, а необходимостью. Но в тот вечер я зашла туда впервые...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Повторяю, я ни на секунду не допускала мысли, что в возмутительной приписке к письму содержится хоть какая-то правда, но, когда в голову пришла идея проверить хотя бы теоретическую возможность подобного положения вещей, не стала гнать ее от себя. Потому что сам страх перед мыслью предполагает, что человек опасается, что мысль эта может оказаться правдой. То есть это свидетельствует о его сомнениях в истинности его убеждений.

Так православный священник крестит себе лоб всякий раз, как только в голову ему приходит... Нет, не сомнение, а просто нормальная человеческая мысль о бытии кого-либо из святых или самого Иисуса Христа, кажущаяся ему слишком

смелой.

А этот страх не свидетельствует ли о том, что подспудно в нем живет страх и неуверенность в собственной вере? Настоящую веру не поколебать подобными вещами.

И поколебать мою веру в Александра, в его любовь ко мне, его порядочность и верность, Люси не удалось бы при всем желании.

И все-таки я вздохнула облегченно, когда, сопоставив все известные мне факты, пришла к выводу, что Александр не только не мог иметь с этой девкой какой-либо связи, но даже не знал о ее существовании. Иначе он обязательно рассказал бы мне о ней. Ведь она была дочерью его лучшего друга.

Позволю себе снова напомнить читателю о своем существовании, и вот по какому поводу. Тетушка моя обладала удивительной для женщины, я бы сказал, совершенно мужской логикой, и меня это не раз в ней поражало. В предыдущем же выводе невооруженным взглядом обнаруживается очевидная логическая ошибка, которую она не замечает по одной единственной причине: она попросту не хочет ее замечать. Именно поэтому ее и устраивает это более чем сомнительное доказательство.

Что поделаешь? Несмотря на все уникальные Катенькины способности, она тем не менее всегда оставалась женщиной. Хотя, справедливости ради, добавлю: не только женщины способны на подобный самообман. «Обманываться рад», – написал в аналогичном случае гениальный Пушкин, а в его половой принадлежности сомневаться не приходится.

Следовательно, написала она это с единственной целью – вызвать естественное отвращение к своему посланию и таким образом принудить меня его уничтожить. Когда я окончательно поняла это, меня слегка покорило: неприятно с точностью выполнять намерения твоего врага. Гораздо приятнее было бы, посмеявшись над его примитивной уловкой, оказаться выше своих эмоций. Но, повторяю, сделанного не воротишь. Тем более, что показывать это письмо я на самом деле никому не собиралась, а сама, даже вопреки желанию, запомнила его от первой до последней строчки.

Сразу же скажу, что не прошло и дня, как у меня появился серьезный повод пожалеть о своем поступке. Не сожги я этого письма, обстоятельства наверняка сложились бы иначе. Но, как говорят, что ни делается – все к лучшему, хотя человек не всегда в состоянии это осознать. Иными словами – пути Господни неисповедимы. Но обо всем по порядку.

Я собиралась изучить кое-какие бумаги своего мужа, чтобы подтвердить или опровергнуть некоторые из своих последних соображений о проведенном мною расследовании. Но не успела изучить содержимое и одной папки, как вновь услышала на лестнице шум шагов. Притом, что голоса Анюты я не услышала.

И это меня насторожило. Привыкшая к бескрайним деревенским просторам, она еще не обрела городской привычки сдерживать громкость льющихся из здоровой грудной клетки звуков. А, следовательно, с ней что-то сделали.

Мне потребовалось две секунды, чтобы сорвать со стены заряженное ружье и направить его ствол в сторону входной двери. Сердце в очередной раз запрыгало в моей груди, как раненный заяц. Дверь открылась... И я опустила ружье.

Можете понять мое недоумение. Я ожидала увидеть какую-нибудь бандитскую рожу, в крайнем случае – бесстыжую физиономию самой Люси, но это было другое... лицо. И не могу сказать, что его вид доставил мне радость.

Это был Михаил Федорович, главный следователь полицейского управления, занявший эту должность сразу же после смерти моего мужа.

До недавнего времени я относилась к этой личности довольно спокойно, если не сказать безразлично, поскольку практически не знала ее. Но первая же наша в недавнем прошлом встреча сделала нас настоящими врагами. Я во всяком случае, считала его таковым. Поскольку Михаил Федорович... лучше буду называть его по фамилии, так как с недавних пор мысленно называла его именно так. Имя и отчество предполагают либо уважение, либо просто добрые чувства, а ни того, ни другого я к этому человеку не испытывала. Фамилия его была Алсуфьев. Так вот, этот самый господин Алсуфьев в тот день не только позволил себе при общении со мной недопустимый тон и грязные намеки, но напрямую обвинил в убийстве Павла Синицына. И не скрывал разочарования, когда вынужден был меня отпустить, так как абсурдность его обвинений стала

очевидна. Очевидна для каждого, но, видимо, не для него.

Впрочем, я довольно подробно описываю эту нашу встречу в предыдущем романе. И не имею никакого желания снова воспроизводить ее. Скажу только, что глумливая улыбка бывшего подчиненного моего мужа не обещала мне ничего хорошего.

– Чем обязана? – спросила я его ледяным тоном, заметив, что несколько сопровождавших его мужчин остались за дверью. Сам же Михаил Федорович, свежий и гладко выбритый, в безукоризненно белых перчатках, не только вошел в гостиную, как к себе домой, но уже уселся в любимое кресло Александра, уронив на пол салфетку и не потрудившись ее поднять.

Ответил он не сразу. Наверное, этого момента он ждал давно и теперь собирался получить от него максимум удовольствия.

Я не желала повторять вопроса и осталась стоять в дверях.

Проследив направление его лучезарного взгляда, я только теперь вспомнила о том, что в моих руках было ружье. Это в данных обстоятельствах выглядело довольно глупо, хотя, не скрою, без всякого сожаления разрядила бы его в эту наглуемую физиономию.

Разумеется, я преувеличиваю, но, Боже мой, как он в эту минуту был мне ненавистен!

Стараясь выглядеть как можно невозмутимее, я прошла к противоположной стене и вернула оружие на его законное место.

– Так-то оно лучше, Катерина Лексевна, – паясничая, промолвил он с мерзким акцентом. Мое отчество прозвучало в его устах как «Ляксевна». Таким немудреным способом он выражал мне свое презрение.

И несмотря на очевидность происходящего, я терялась в догадках, что же это все может означать. Мой неожиданный гость вошел как воплощенное воздаяние за грехи, лучше сказать, за преступление.

«Только в каком же преступлении он собирался обвинить меня на этот раз? – размышляла я. – Неужели снова в убийстве Павла Синицына?»

Это предположение показалось мне совершенно абсурдным. Вина Люси была очевидна. Более того, сама преступница не отрицала ее, находясь под стражей в Хвалынске.

«Что же изменилось с тех пор? С тех пор, когда она исчезла из своей камеры?»

– Как веревочке не виться... – проворковал в это время Алсуфьев, тем самым прервав мои размышления. – Как видно, у нас с вами, милостивая государыня, на роду написано, так сказать, более близкое знакомство. И, если мне не изменяет память, а ведь так оно и есть, не правда ли, я вас об этом предупреждал.

Я еле сдерживала себя, чтобы не наговорить ему гадостей. А искушение было так велико, и так отвратителен он был в своем самолюбовании. Но чем дольше я молчала, тем менее широкой была его улыбка. И, наконец, она исчезла совсем.

– Надо ли говорить, зачем я в этот поздний час пришел к вам в дом? – уже с откровенной ненавистью спросил он.

– Я полагаю, с этого нужно было начать, – как можно спокойнее заметила я. И эти слова снова вызвали тень улыбки на его губах.

– Кому другому – разумеется... Но вам-то Катерина Лексевна, как бывшей жене главного следователя. Вам разве нужно это объяснять. Полно. Не теряйте времени. А лучше поспешите одеться.

– Вы желаете, чтобы я отправилась с вами?

– Учитываю конечный пункт вашего путешествия – вряд ли, – хохотнул он, брызнув слюной, став уже совершенно омерзительным.

В эту минуту он напомнил мне прыщавого гимназиста.

Попадают среди них такие «хохотунчики», поводом для смеха для них становится обычно что-нибудь неприличное. Ничто иное для их убогого чувства

юмора недоступно, а тут они просто из себя выходят, до красноты и вонючего пота. Хотя нет, это теперь он мне таким вспоминается. В то далекое время я еще не встречалась ни с чем подобным. И сравнить мне его манеры было не с чем.

- Что вы имеете в виду? - спросила я.

- Как и предполагалось - в тюрьму-с, - вытянул он губы словно для поцелуя.

- Вы бредите, - прервала я этот его неприличный жест.

- Это вы бредите, - брызгая слюной, взвизгнул он. - Потрудитесь выбрать выражения. А не то - прикажу вас связать и доставить в камеру как...

Что-то наподобие желваков появилось на его холеных щечках. Видимо, он собирался выплюнуть мне в лицо что-то совершенно мерзкое, но удержался и перешел на официальный, безукоризненно вежливый тон, как бы подчеркивая этим свою беспристрастность:

- Соблаговолите одеться и не испытывайте моего терпения.

Через несколько минут я вышла из дома в сопровождении самого Алсуфьева и нескольких полицейских. С побелевшими от ужаса глазами меня провожала взглядом Алена. Теперь мне стало понятным ее безмолвие - первым делом на нее направили ружье, и она едва не лишилась сознания от страха. Скорее всего, ее все время моего «допроса» держали на мушке, и она до сих пор не могла прийти в себя.

С собой я захватила лишь небольшой узелок с самыми необходимыми вещами. Нужно было видеть, с каким подозрением глядел на него мой конвоир, видимо, он всерьез считал меня опасной преступницей и подозревал, что я захватила с собой бомбу. Но то ли не решился, то ли постеснялся обыскать меня и всю дорогу сидел с напряженной прямой спиной, готовый выпрыгнуть из экипажа при первом же подозрительном звуке.

На улице уже стемнело, но я достаточно хорошо знала город, чтобы ориентироваться в любом его районе и днем и ночью. Меня повезли не в городскую тюрьму, как мне показалось сначала, а в ее специальное отделение.

Мне было хорошо известно это каменное строение без окон. Я несколько раз ожидала здесь Александра, поскольку он частенько бывал здесь по долгу службы. Насколько мне было известно, помещение это предназначалось для особо опасных преступников и состояло исключительно из одиночных камер. Не скрою, это немного успокоило меня, потому что перспектива оказаться в одной камере с настоящими преступницами меня не прельщала. Хотя настоящие преступники считают одиночки чем-то наподобие карцера и боятся их, как огня. И мне известно несколько случаев, когда только одна угроза перевода в одиночку заставляла их выдавать своих товарищей и признаваться в самых тяжких своих преступлениях.

Как это ни странно, но большая часть наиболее опасных преступников органически не переносит одиночества. Не потому ли, что их преследуют души убиенных ими людей?

Мне ничто подобное не грозило. А в плане удобств, если о них можно говорить применительно к подобным местам, это помещение не уступало городской тюрьме. Поэтому когда наш экипаж остановился перед его стенами, я даже вздохнула облегченно.

И только когда меня ввели внутрь, и в нос ударил тяжелый тюремный запах, я впервые осознала всю неприглядность и серьезность своего положения. До этой минуты я просто не могла поверить в происходящее и соотнести знакомое слово «тюрьма» с собственной жизнью. И только этот запах, в котором перемешались ароматы гнилой капусты, отхожего места и человеческих страданий, помог мне осознать весь ужас происходящего.

За всю дорогу мой прежде такой разговорчивый конвоир не произнес ни слова.

Помня о том, что при первой нашей встрече он проговорил со мною едва ли не до утра, я и теперь ожидала чего-то подобного. Но, вопреки моим ожиданиям, он передал меня с рук на руки тюремному начальству, ограничившись единственным словом напутствия, если это можно так назвать:

– В шестую, – небрежно бросил он и демонстративно зевнул. Молодой мордастый паренек с ружьем довел меня до места, и впервые в своей жизни я услышала лязг тюремного запора за своей спиной.

На ощупь отыскав жесткое ложе, я присела на него и до боли в глазах пыталась что-то рассмотреть в темноте. Но, несмотря на все эти усилия, ничего не увидела.

Удивительно. Часа полтора я просидела таким образом, ожидая, что за мной придут, представляла себе предстоящий допрос и, как это ни смешно прозвучит, даже репетировала отдельные гордые фразы и презрительные интонации. Но прошел час, два... За мною так никто и не пришел. И я, наконец, поняла, что мои ожидания тщетны. И растерялась.

Если Алсуфьев добивался того, чтобы выбить меня из колеи, то он почти этого добился. Всю ночь я не сомкнула глаз и, кое-как пристроившись на нарах, пыталась понять, что меня ожидает утром, и в каких-таких злодеяниях попытается уличить меня бывший подчиненный моего мужа. Но никак не могла придумать ничего мало-мальски правдоподобного, а те фантазии, что приходили мне в голову, отметала за явной нелепостью. По абсурдности происходящего эта ночь соперничала с кошмарным сном, в котором существует наказание без преступления, и все попытки добиться объяснения происходящего обречены на провал.

А мерные шаги часового за стеной своей обыденностью лишь усугубляли абсурдность происходящего.

Пару раз я не то, чтобы засыпала, а впадала в какое-то забытие, в котором причудливо перемешивались события реальной жизни и книга Александра Дюма. С горькой иронией я осознала, что третий раз за два дня примеряю на себя судьбу ее персонажей. Но если поначалу я сравнивала себя с Мерседес, потом благодаря Люси – с Вольфором, то теперь мне суждено было пережить чувства самого Эдмона Дантеса в первые дни его заключения в зловещем замке Иф.

Я так же, как и он, понятия не имела, благодаря чему попала в каземат, судьба моя была настолько же неопределенна. И волей-неволей я стала примерять на себя возможность остаться в этом месте на долгие четырнадцать лет.

Но если Дантес оказался на свободе в возрасте Иисуса Христа, то четырнадцать лет заточения превратили бы меня в древнюю старуху. Произведя в голове необходимые вычисления, я произнесла еле слышно и содрогнулась от звука

своего голоса, так странно отразившегося от тюремной стены.

– Сорок два года, – услышала я как бы со стороны, и мысль о грядущем сумасшествии заполонила мою душу.

От этого действительно можно было сойти с ума, если вовремя не остановиться.

«Лучше ни о чем не думать, – решила я. – А спокойно дождаться утра, которое, как известно, значительно мудренее вечера и тем более ночи». Но сделать это оказалось совсем не просто.

Самое мучительное в жизни – неопределенность, а самое страшное – неизвестность. Человек больше всего боится темноты в прямом и переносном смысле этого слова именно потому, что в темноте скрываются все самые сокровенные его кошмары, порожденные тревогой его души. Осознанная и видимая опасность уже не пугает, скорее наоборот. Мелькающий на болоте огонек заставляет застыть от ужаса, но способен рассмешить при ближайшем рассмотрении. И даже когда источник страха не такой безобидный и существует реальная угроза жизни и здоровью, большинство из нас предпочитает знать свою участь, нежели и дальше находиться в неопределенности. А человек, лишенный такой возможности, пытается додумать, дофантазировать ее самостоятельно.

Ужас моего положения заключался в том, что мой мучитель не сказал мне абсолютно ни слова ни о моей вине, ни о том, что является причиной моего ареста, и под утро я молила Бога лишь об одном, чтобы увидеть живого человека, который объяснит мне мою вину или сообщит о том, что все произошедшее всего лишь недоразумение.

Последнее, с моей точки зрения, было единственным в этой ситуации логичным исходом. И мысль о том, что Алсуфьев просто-напросто сошел с ума, время от времени посещала меня в эту ночь и, если не успокаивала, то на время даровала силы. Легче заподозрить в душевном нездоровье другого человека, чем признаться в собственном безумии, хотя и эта мысль тоже приходила мне в голову. И однажды я даже ущипнула себя в тайной надежде, что все происходящее со мной окажется кошмарным сном. Но, к сожалению, это испытанное средство борьбы с миражами не помогло. И я была близка к отчаянию.

Утро вместо того, чтобы облегчить мои страдания, еще более усугубило их. Я увидела то помещение, в котором провела ночь, и ужаснулась. Александр сильно преукрашивал те условия в которых содержались в этом заведении заключенные. Но дело было даже не в этом. Грязь, обилие насекомых и крысиные следы – это не самое страшное, что окружало меня. Все стены моей камеры были испещрены рисунками и надписями, при одном взгляде на которые у меня закружилась голова. Но мои глаза, помимо моего желания вновь и вновь возвращались к ним, пока от бессонницы и нервного потрясения я не впала в какое-то забытие и не перестала воспринимать окружающую меня действительность как часть своей жизни.

И до сих пор я не очень хорошо понимаю, что произошло со мной в то утро. Может быть, человеческий организм устроен так, что на самый крайний случай у него есть спасительное средство, с помощью которого он уберегает своего хозяина от отчаяния или даже безумия. Хотя в определенном смысле само это состояние настолько близко подходит к безумию, что их вполне можно перепутать.

Воображение унесло меня на край света, в какую-то не то африканскую, не то южноамериканскую страну. Мне рисовались безукоризненно зеленые пальмовые листья на фоне голубого безоблачного неба, а кожа ощущала на себе ласковое прикосновение морского бриза. Эти видения сменили удивительно яркие картины моего собственного детства, настолько правдоподобные и живые, что, кажется, я даже разговаривала с привидевшимися мне людьми. И находила в том своеобразное удовольствие, одновременно понимая, что рядом со мной никого нет.

За окном город жил своей обычной жизнью, до меня доносился стук лошадиных подков по мостовой и птичье пение, но все это уже было в какой-то другой, посторонней для меня жизни. Шли часы, я потеряла счет времени, а за мной никто не приходил. Будто бы забыв о моем существовании. И как я поняла впоследствии, это тоже было частью того подлого плана, жертвой которого я стала по воле ненавидевших меня людей.

Можете представить, в каком я находилась состоянии, если при звуке ключа вздрогнула всем телом и с трудом преодолела желание спрятаться в темном углу камеры.

Это был часовой, в обязанности которого, по всей видимости, входило приносить мне еду. Он, как и полагается, поставил на пол миску с какой-то кашей и кувшин с водой. Я с жадностью приникла к этому кувшину, поскольку жажда начала меня мучить с вечера, то есть практически с первых же минут моего заключения, а к утру мои губы уже запеклись и покрылись шершавой коркой.

И эта теплая, дурно пахнущая жидкость вернула меня к жизни. Внезапно я устыдилась своего отчаянья и постаралась взять себя в руки. Не без труда, но мне это удалось. И когда дверь в мою камеру отворилась в следующий раз, я уже совершенно не походила на то испуганное существо с мутным взглядом, которым выглядела час назад.

Господин Алсуфьев ошибся в своих расчетах. Вызови он меня на час раньше, и кто знает – может быть я и расплакалась бы на его глазах. Но, переступив через отчаянье, я с каждой минутой становилась сильнее. А когда часовой вывел меня из камеры, пожалуй, я выглядела не намного хуже, чем накануне вечером.

Мы прошли с ним по длинному коридору, поднялись по металлической лестнице, снова опустились на один этаж и оказались перед толстой металлической дверью, мало отличавшейся от десятка других дверей, мимо которых мы уже прошли.

Мой конвоир постучал в эту дверь, и из комнаты донесся хорошо знакомый и тошнотворный для меня лирический баритон:

– Введите, – лишенным всякого выражения и интонации голосом произнес он. И конвоир открыл передо мною дверь.

Комната, в которую я вошла, оказалась не намного больше той, в которой я провела ночь. Разве что немного посветлее и почище. Посредине стоял видавший виды стол, покрытый вылинявшим и залитым чернилами зеленым сукном. А во главе стола, набычившись, сидел хозяин кабинета собственной персоной и глядел на меня тяжелым взглядом.

В дальнем углу за маленьким столиком скрючился совершенно лысый крохотный человечек с одним гусиным пером в руке и с другим за ухом. Он тоже смотрел на меня без всякого выражения и часто-часто моргал воспаленными красными веками.

Он был такой маленький, что поначалу я приняла его за карлика, а если бы на его лысый череп надеть остроконечный колпачок – он бы выглядел совершенным гномом. Во всяком случае, я рядом с ним выглядела Белоснежкой, несмотря на бессонную ночь и все мои мучения.

К тому времени я уже настолько пришла в себя, что смогла составить какой-то план действий, к которому и приступила незамедлительно.

– Я бы хотела встретиться с Олегом Борисовичем, – заявила я, едва присев на кончик шаткого стула.

Олег Борисовичем звали главного полицмейстера города, не очень близко, но все таки знакомого мне. Они с мужем были в неплохих отношениях и всегда говорили друг о друге с уважением. Пару раз он даже бывал у нас в гостях, и я вполне могла надеяться, что он не откажется от встречи со мной.

– Это невозможно, – ответил Алсуфьев, не затрудняя себя дальнейшим объяснением.

– Почему? – спросила я после небольшой паузы.

– Его нет в городе. Да если бы и был, я не нахожу в этом необходимости.

– В таком случае – мне хотелось бы поговорить с губернатором.

– А почему не с его императорским величеством? – осклабился Михаил Федорович, а гном за своим столиком подобострастно захихикал в кулачок.

– Что вы имеете в виду? – твердым голосом осведомилась я, стараясь не сорваться на крик и тем самым обнаружив свое волнение.

– Вы забываетесь, сударыня, – покачав головой, он откинулся на стуле и посмотрел на меня с некоторым интересом. – Вы теперь не тот человек, которым считали себя еще вчера. И чем быстрее вы позабудете о старых привычках, тем лучше для вас. Поверьте моему опыту.

И почти без паузы приступил к допросу:

– Ваше имя, фамилия и возраст.

– Прекратите балаган, – не выдержав, вспылила я.

– Что вы сказали? – морщины на его лице расправились, а взгляд стал неуместно лукавым. – Балаган? Вам это кажется забавным? В таком случае, может быть, сразу сознаетесь во всем?

– В чем я, по-вашему, должна сознаться?

– А вы не знаете? – покачал он головой сокрушенно. – Как это мило.

Гномик снова захихикал.

– Мне бы хотелось, чтобы для начала вы предъявили мне обвинение. В противном случае – я не собираюсь отвечать ни на один ваш вопрос и требую немедленно меня освободить.

– Требуете? Это серьезно. Пожалуй, придется. А то еще рассердитесь, не дай Бог – что мне тогда прикажете делать?

Он закурил папиросу и стал доставать из стола какие-то бумаги. По одной, каждый раз поглядывая на меня с видом картежника, демонстрирующего партнеру сильную масть.

Завалив таким образом весь стол бумагами, он стряхнул пепел с папиросы в потемневшую от времени и никогда не чищенную медную пепельницу и произнес голосом судьбы:

– Вы обвиняетесь в убийстве.

– Вот как? – сделала я веселое лицо при этой, мягко говоря, отвратительной игре. – И кого же я по вашему мнению убила?

– Вы, Екатерина Алексеевна, – на этот раз он произнес мое имя, тщательно выговаривая каждую букву, но почему-то это прозвучало в его устах едва ли не как оскорбление, – обвиняетесь в убийстве собственного мужа, главного следователя полицейского управления, дворянина Павла Семеновича Синицына.

Я была слишком потрясена, чтобы хоть как-то отреагировать на его заявление. Поэтому только смотрела на него, не находя слов и не чувствуя ничего, кроме легкого головокружения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не знаю, поверите ли вы мне, но в эту минуту больше всего на свете мне захотелось вернуться назад в камеру. До выхода из нее меня мучила неизвестность, и я искренне верила, что предпочту ей любую самую страшную определенность. Но эта определенность оказалась настолько чудовищной, что не шла ни в какое сравнение с моими ночными страданиями. Предъявленное мне обвинение переносило меня в какое-то новое непознанное пространство, жизнь в котором строится на принципах лжи и абсурда. И моя душа содрогнулась от первого с ней соприкосновения и попыталась вернуться вспять.

Надо сказать, что теперь это уже не кажется мне странным. За мою долгую жизнь я встречалась и с более удивительными проявлениями загадочной субстанции, что за неимением более точного слова мы по старинке называем душой. Я была знакома с человеком, который, однажды столкнувшись в своей жизни с неприемлемыми для его совести обстоятельствами, предпочел убежать от них в иную реальность. И не важно, что это произошло лишь в его сознании. В этой новой реальности он ощущал себя совершенно другой личностью, с иной судьбой, именем и национальностью. Может быть, психиатрия будущего когда-нибудь докажет, что большинство случаев шизофрении, амнезии и некоторых других психических расстройств – это всего лишь попытка устраниваться из той реальности, что по той или иной причине перестала устраивать человека.

Я не считаю себя достаточно компетентным в области современной психиатрии, но мне кажется, мысль тетушки может оказаться небесполезной и для нынешних специалистов в этой области. Во всяком случае, мне она показалась весьма любопытной. Может быть потому, что самому ничто подобное мне в

голову никогда не приходило.

Болезнь вышеназванного господина прошла в тот же миг, когда ему сообщили, что он стал жертвой чудовищной ошибки, и известные ему факты не имеют к нему никакого отношения.

У меня хватило сил остаться в этой реальности, но минувшая ночь показалась мне часами блаженства. Или, если хотите, блаженного неведения. Хотя на какое-то время моя душа, видимо, все-таки покинула ненавистный ей кабинет, поскольку окончательно вернулась я в эту реальность лишь тогда, когда увидела перед собой испуганное личико писаря-гнома.

Очевидно, он принял мое состояние за обморок и пытался влить в меня содержимое собственной металлической кружки.

Осознав это, я резким движением отстранила его руку. От неожиданности кружка вывалилась из его потных ручонки и с грохотом покатила по каменному полу.

– Я вижу, вы пришли в себя, – констатировал Михаил Федорович. – В таком случае, попрошу вас ответить на следующие вопросы...

Он взял в руки листок бумаги, на котором эти самые вопросы были записаны им для памяти, и начал читать один за другим без всякого выражения и запинаясь. Попадаются изредка такие люди, которые до последнего класса гимназии испытывают затруднение при чтении. Одна моя знакомая, например, так и не смогла перейти тот невидимый рубеж, который отделяет беглое чтение от чтения по слогам. И до сих пор читает отвратительно, и, даже читая про себя, продолжает беззвучно шевелить губами. Примерно так, как это делал теперь господин следователь. Удивительно, как это при таких способностях, вернее, их полном отсутствии, ему удалось получить ту должность, что до него занимал мой Александр. Впрочем, само это сравнение кажется мне кощунственным по отношению к памяти моего мужа.

Уделив столько внимания технике его чтения, я пропустила смысл и содержание задаваемых мне вопросов. Сообразив это, я постаралась сосредоточиться.

– ...которому передали крупную сумму в ассигнациях.

Следствие интересует, за что вы заплатили ему эту сумму.

Прослушав начало вопроса, я не сразу поняла его смысл.

«Кому это я заплатила крупную сумму?» – попыталась я вспомнить, но в это время уже звучал следующий вопрос:

– Выдавая себя за Наталью Павловну Синицыну, вы поселились в усадьбе ее отца и некоторое время проживали там под ее именем. Какие цели вы преследовали?

И сразу же следующий вопрос. Видимо, он решил поразить меня своей осведомленностью:

– В деревне Синицыно вы также передали старосте Алексею крупную сумму в ассигнациях и серебром. За какие услуги, интересно было бы знать...

И чем дальше он читал, тем лучше я понимала, что никогда не смогу ответить ни на один из его вопросов.

Откуда-то ему было известно практически о каждом шаге предпринятого мною расследования, и он монотонно перечислял их, включая те, что внешне выглядели, прямо скажем, довольно странно. Но чтобы объяснить хотя бы некоторые из этих экстравагантных с точки зрения непосвященного человека поступков, мне пришлось бы рассказать ему все. То есть все мои мысли, сомнения, которые заставили меня действовать тем или иным способом, хитрить, переодеваться и платить всякому, кто мог сообщить мне хоть какие-то нужные мне сведения. Я действовала на свой страх и риск и порой использовала, мягко говоря, нетрадиционные способы расследования, но только так и может что-то узнать частное лицо, не облеченное властью и не принадлежащее к официальным органам правопорядка, то есть частный детектив, к которым я с некоторых пор себя причисляла.

Обо всех моих мыслях и действиях не знала даже моя лучшая подруга Шурочка, хотя ей я могла доверять целиком и полностью, и она как никто другой понимала и чаще всего одобряла мои действия; и в дальнейшем я не скрывала от нее уже ничего. Но это мое первое дело было слишком личным, можно сказать, интимным, поскольку я расследовала причину гибели собственного

любимого мужа. А рассказывать об этом человеку, который всерьез считал меня его убийцей, было бы просто глупо. Он не смог бы меня понять, если бы даже захотел. И не захотел бы, если бы мог, как выяснилось впоследствии.

«Ничего я ему не расскажу», – сказала я себе и вздохнула облегченно.

Алсуфьев удивленно вскинул на меня глаза. Моя реакция, видимо, удивила его.

– Вы что-то сказали? – спросил он меня.

На что я лишь молча махнула рукой и отвернулась к стене.

Так я и просидела весь час, пока он производил безуспешные попытки заставить меня говорить, переходя от уговоров к угрозам. Но так ничего и не добившись, приказал вернуть меня на прежнее место, то есть в ту самую камеру, которая еще пару часов назад вызывала у меня такой ужас, а теперь стала такой желанной. По дороге туда я совершенно укрепилась в принятом уже решении – раз и навсегда отказаться отвечать на любые его вопросы. И почувствовала такое облегчение, словно сбросила с плеч тяготивший и давно опостылевший груз. Можно даже сказать, что я совершенно успокоилась. Кому-то это может показаться странным, но попытаюсь объяснить. До этой минуты я собиралась воевать с этим неприятным человеком, доказывая ему свою невиновность, и необходимость этого унижительной процедуры повергала меня в отчаянье. Теперь же я поняла, что все эти попытки с самого начала были бы обречены на провал, даже если бы я переступила через собственную гордость и исповедалась ему, как на духу.

Через пару минут я была на месте и с наслаждением вытянулась на неструганых досках, не обращая внимания ни на запах, ни на ползущего по стене черного таракана. Да и что мне оставалось делать? Я уже поняла, что выбраться из этого места мне удастся не скоро.

Времени у меня было предостаточно, занять себя в этом положении было совершенно нечем, и я стала развлекаться следующим образом: день за днем вспоминала свои недавние приключения, старалась воспринимать их со стороны, то есть по возможности объективно. Временами эффект получался настолько неожиданным, что я от души смеялась, стараясь делать это по возможности тише. Мои надзиратели могли принять эти звуки за плач, или подумали бы, что я

сошла с ума. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/arsan-ev_aleksandr/prodolzhenie-puteshestviya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)